

В.И. БАТЮК

НАЧАЛО СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОЙ ЯДЕРНОЙ ГОНКИ (1945–1949 годы)

ГОНКА ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ: ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

Вступление человечества в ядерную эру заставило пересмотреть многие представления, на которых веками и тысячелетиями зиждилась политика великих держав – представления, казавшиеся в доядерный век незыблемыми. Чудовищная разрушительная мощь и невиданное прежде быстродействие ядерного оружия наделили человека поистине божественным могуществом: впервые род людской обрел техническую возможность истребить себя – возможность, которой раньше наделяли лишь богов.

В начале XIX в. формула «война есть продолжение политики иными средствами» получила обоснование и развитие в классическом труде крупнейшего немецкого военного теоретика К. фон Клаузевица «О войне». Перечитывая этот классический труд, не можешь не прийти к выводу: автор намного опередил свое время. Вот что писал он, например, о тех условиях, при которых аксиома «война есть продолжение политики иными средствами» перестает действовать: «Война является актом насилия, и применению его нет предела; каждый из борющихся предписывает закон другому; происходит соревнование, которое теоретически должно было бы довести обоих противников до крайностей... Это могло бы иметь место лишь в случае:

- 1) если бы война была абсолютно изолированным актом, возникающим совершенно внезапно и не связанным с предшествующей государственной жизнью;
- 2) если бы она состояла только из одного решающего момента или из ряда одно-временных решающих актов;
- 3) если бы она сама в себе заключала окончательное решение, и на нее не оказывал бы влияния заблаговременный учет того политического положения, которое сложится после ее окончания»¹.

То, что казалось в начале XIX в. отвлеченным теоретизированием, стало реальностью в ядерный век:

- 1) термоядерная война – в силу самой природы ядерного оружия – и не может не начаться «совершенно внезапно» (только внезапное уничтожение стратегического ядерного потенциала противоположной стороны дает агрессору единственный шанс одержать победу в ядерной войне);
- 2) «решающий момент» – первый, обезоруживающий ядерный удар – играет ключевую роль в ядерной стратегии;
- 3) наконец, катастрофические последствия ядерной войны не оставляют никаких надежд на «заблаговременный учет того политического положения, которое сложится после ее окончания».

Теоретические выкладки Клаузевица о том, что в какой-то момент вышедшее из берегов вооруженное насилие делается несовместимым с какими бы то ни было по-

Батюк Владимир Игоревич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН (Москва, Россия).

¹ *Клаузевиц К. О войне.* М., 1997, с. 37.

литическими целями, обрели новое значение после появления ядерного оружия с его чудовищной разрушительной мощностью. Никакая политическая цель не может оправдать гибель человеческой цивилизации – и поэтому в ядерной войне просто не может быть победителей. И на каждом новом витке гонки ядерных вооружений политические и военные руководители великих ядерных держав вынуждены были признавать, что никакие технологические ухищрения не могут отменить этой главной реальности ядерного века.

Однако руководители ядерных супердержав – СССР и США – лишь через 40 лет после начала гонки ядерных вооружений признали эту реальность. В Совместном советско-американском заявлении по итогам встречи М. С. Горбачева и Р. Рейгана в Женеве в ноябре 1985 г. говорилось: «Стороны, сознавая особую ответственность СССР и США в деле сохранения мира, заявляют, что ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей... Они не будут стремиться к достижению военного превосходства».

Это политическое решение Москвы и Вашингтона не осталось лишь на бумаге: такие двусторонние и многосторонние соглашения, как Договор о РСМД, Договоры СНВ-1 и СНВ-2, Договор СНП, Договор между РФ и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений 2010 г., Соглашение о сотрудничестве РФ и США в отношении реакторов, производящих плутоний, а также односторонние инициативы России и Америки, направленные на ограничение и сокращение ядерных вооружений, – ознаменовали начало демонтажа «машины судного дня», созданной за четыре десятилетия гонки ядерных вооружений.

Однако до полного избавления человечества от угрозы ядерного уничтожения все еще далеко – на вооружении только РФ и США находятся тысячи ядерных боезарядов и средств их доставки. Более того, ядерные испытания в Индии и Пакистане в мае 1998 г., а также разработка ракет большого радиуса действия в таких странах, как Иран, Индия, Пакистан, Израиль и Северная Корея, свидетельствуют о том, что международно-правовой механизм нераспространения ядерного оружия и средств его доставки дает серьезные сбои. Вот почему, по нашему мнению, изучение феномена гонки ядерных вооружений, его истории и внутренних пружин, не утратило своей актуальности.

Существует обширная литература, посвященная изучению данного явления. Огромный вклад в исследование гонки вооружений как феномена международных отношений внес британский ученый Л. Ричардсон, а его классический труд «Вооружения и отсутствие безопасности» оказал влияние на все последующие исследования в данной области².

Разработанная Ричардсоном математическая модель гонки вооружений между двумя державами позволяет (что особенно важно) прогнозировать последствия этой гонки для международной стабильности. Уравнения Ричардсона включают переменные, характеризующие уровень военных расходов государств, участвующих в гонке вооружений, за единицу времени, а также объем двусторонней торговли между ними. По мнению Ричардсона, если темпы роста оборонных расходов начинают превосходить темпы роста взаимной торговли, то такая тенденция ведет к дестабилизации международных отношений и, в конечном итоге, к войне³. Таким образом, Ричардсону удалось дать строгое математическое описание такого феномена гонки вооружений, как механизм «действие – противодействие».

Предложенная Ричардсоном методология, казалось, давала соблазнительно простые ответы на очень сложные и запутанные проблемы международной жизни, и поэтому неудивительно, что у последнего нашлось немало последователей среди ученых-международников. Разработанную им методологию (предварительно усовер-

² *Richardson L. Arms and Insecurity. A Mathematical Study of the Causes and Origins of War.* Chicago, 1960.

³ *Ibid.*, p. 12–27, 98–110, 225.

шенствовав ее в той или иной степени) пытались применить и при анализе гонки ядерных вооружений в годы холодной войны⁴.

Однако результат использования модели Ричардсона для анализа гонки ядерных вооружений, по признанию ряда исследователей, оказался не вполне удовлетворительным. И дело тут не только в том, что поведение супердержав – США и СССР – на международной арене в годы холодной войны определялось не только ядерной гонкой, но и другими факторами, в частности, попытками удержать под своим контролем существующие сферы влияния и расширить их за счет новых союзников в «третьем мире».

Более существенным недостатком подхода Ричардсона и его последователей является то обстоятельство, что в основу этого подхода поставлено сопоставление общего уровня и тенденций изменения военных расходов, а такая методология не вполне годится для исследования феномена гонки вооружений. Ведь каждая новая фаза этой гонки, знаменуя собой технологический прорыв в средствах ведения вооруженной борьбы, обесценивает предшествовавшие капиталовложения в вооружения и военную технику. Так, после появления паровых судов парусные суда можно было отправлять на слом. Они потеряли всякое значение как средство вооруженной борьбы. Такая же судьба постигла самолеты с поршневыми двигателями после появления реактивной авиации.

Таким образом, беспокойство участников международных отношений вызывает не рост военных расходов как таковой (последний может быть вызван, кстати, и вполне невинными причинами, вроде перехода на наемную армию или повышением военных пенсий). Опасно другое – появление принципиально новых видов вооружений и военной техники, которые в один момент делают страну, которая не успела перевооружиться, совершенно безоружной и беспомощной перед странами, успевшими это сделать.

И этот технологический прорыв может совпадать, а может и не совпадать с ростом военных расходов. Так, например, с 1945 по 1947 ф.г. американский оборонный бюджет сократился многократно – с 81,5 до 13,1 млрд долл.; аналогичные процессы происходили и в Советском Союзе. И что с того? У американцев в это время была абсолютная монополия на бомбу, на сверхоружие. Москва просто не могла не принять брошенный вызов, в противном случае СССР утратил бы статус великой державы. Именно в это время началась форсированная реализация советской атомной программы и, тем самым, гонка ядерных вооружений, которая будет продолжаться на протяжении всей холодной войны. Таким образом, в 1945–1947 гг., несмотря на сокращение военных расходов после окончания Второй мировой войны, наблюдался рост международной напряженности, одной из главнейших причин которого и была начавшаяся ядерная гонка.

Далее, в связи с известными особенностями советского народного хозяйства и советского общественно-политического строя было крайне затруднительно определить истинные размеры советских военных расходов в каждый конкретный год, и тут не могли помочь ни оценки ЦРУ, ни, тем более, официальные советские данные о расходах на оборону. Неудивительно поэтому, что не военные расходы, а размеры ядерных арсеналов «сверхдержав» – вот что находилось в центре внимания международной общественности в годы холодной войны, и вот о чем вели переговоры советские и американские политики, военные и дипломаты.

Те особенности ядерного оружия, о которых было сказано выше, не могли не наложить свой отпечаток и на гонку ядерных вооружений, которая, по нашему мнению, отличается следующими характерными чертами:

⁴ См.: *Hollist W.L. An Analysis of Arms Processes in the United States and the Soviet Union.* – *International Studies Quarterly*, 1977, v. 21, № 3 (September), p. 503–528; *Wallace M. Accounting for Superpower Arms Spending.* – *Threats, Weapons, and Foreign Policy.* Beverly Hills, 1980, p. 259–274; *Gillespie J., Zinnes D., Schrodt P., Tahim G. Sensitivity Analysis of an Armaments Race Model.* – *Ibid.*, p. 275–312.

1) наращивая и совершенствуя свой ядерный потенциал, ядерные державы в то же время отдают себе отчет в опасности ядерной войны и рассматривают ее предотвращение в качестве одного из основных своих внешнеполитических приоритетов;

2) угроза первого ядерного удара в результате ошибки или просчета оказывает, ввиду чудовищной разрушительной мощи ядерного оружия, постоянное и сильнейшее воздействие на решения, принимаемые ядерными державами в области внешней и военной политики;

3) наращивание ядерными державами их стратегического потенциала не приводит к ожидаемому ими политическому выигрышу;

4) новое соотношение между наступлением и обороной, созданное ядерным оружием, приводит к тому, что попытки ядерных держав создать оборонительные системы против ядерного оружия приводит не к стабилизации военно-политической ситуации, а к дальнейшей эскалации гонки вооружений;

5) гонка ядерных вооружений, в том числе и ее «горизонтальная» и «вертикальная» эскалация, в целом носит символический характер: создавая видимость готовности в любой момент применить ядерное оружие на различных уровнях ядерного конфликта, ядерные державы стремятся добиться символических военно-политических преимуществ;

б) переговоры великих держав об ограничении ядерных вооружений являются неотъемлемой частью механизма гонки ядерных вооружений, служа своего рода тормозом, препятствующим выходу этой гонки из-под контроля.

С самого начала ядерного века феномен гонки ядерных вооружений не мог не привлекать внимание исследователей. О воздействии ядерного фактора на международные отношения писали такие крупнейшие ученые-международники, как Р. Арон, М. Банди, Р. Беттс, Б. Броди, Р. Джервис, Г. Киссинджер, Г. Моргентау, Дж. Най, С. Хоффман, Г. Эллисон и др.⁵

Свой немалый вклад в изучение данной проблематики внесли и русские советские исследователи⁶.

За последние 30 лет большой вклад в изучение истории гонки ядерных вооружений на ее начальном этапе внесли Г. Алперовиц, М. Банди, Дж. Гэддис, Д. Йергин, Э. Мэй, У. Таубман, Т. Уолфе, Г. Херкен, Д. Холловэй и др.⁷

Особо здесь следует сказать о прекрасной книге Д. Холловэя «Сталин и бомба». Написанный с использованием практически всех доступных исследователю источников труд Д. Холловэя демонстрирует непревзойденное мастерство автора в сравнительном анализе материалов российских и американских архивов, а также воспоминаний непосредственных участников событий тех лет⁸.

⁵ *The Absolute Weapon*. New York, 1946; *Aron R. Peace and War*. New York, 1973; *Betts R. Elusive Equivalence: The Political and Military Meaning of the Nuclear Balance*. Washington (D.C.), 1983; *Living with Nuclear Weapons*. Cambridge (Mass.), 1983; *Morgenthau H. The Fallacy of Thinking Conventionally about Nuclear Weapons.— The Nuclear Arms Race Debated*. New York, 1986; *Allison G. Primitive Rules of Prudence: Foundations of Peaceful Competitions.— Windows of Opportunity*. Cambridge (Mass.), 1989; *Jervis R. The Meaning of the Nuclear Revolution*. Ithaca, 1989; *Kissinger H. Diplomacy*. New York, 1994.

⁶ *Трофименко Г.А. США: политика, война, идеология*. М., 1976; *Косошин А.А. США: за фасадом глобальной политики*. М., 1981; *Арбатов А.Г. Военно-стратегический паритет и политика США*. М., 1984; *Рогов С.М. Советский Союз и США: поиск баланса интересов*. М., 1989.

⁷ *Gaddis J. The United States and the Origins of the Cold War, 1941–1947*. New York, 1972; *May E., Steinburner J., Wolfe T. History of the Strategic Arms Competition 1945–1972*. Washington (D.C.), 1972; *Yergin D. Shattered Peace*. Boston, 1977; *Herken G. The Winning Weapon: The Atomic Bomb in the Cold War, 1945–1950*. New York, 1980; *Taubman W. Stalin's American Policy: From Entente to Detente to Cold War*. New York, 1982; *Bundy M. Danger and Survival. Choices About the Bomb in the First Fifty Years*. New York, 1988; *Alperovitz G. The Decision to Use the Atomic Bomb*. New York, 1995.

⁸ *Holloway D. Stalin and the Bomb. The Soviet Union and Atomic Energy, 1939–1956*. New Haven, 1994.

Нельзя не отметить и вклад российских историков в изучение проблемы гонки ядерных вооружений. Окончание холодной войны, крушение тоталитарного режима избавили, наконец, российских исследователей от навязанных им пропагандистских клише, которых они были вынуждены придерживаться даже в случае своего внутреннего несогласия с ними.

Громадное значение для исследователей, изучающих историю гонки ядерных вооружений, имеет открытие многих советских архивных материалов, относящихся к 40–60-м годам XX в., а также вышедшие в последние годы документированные издания, основанные на архивных материалах и воспоминаниях советских участников событий тех лет. Изданные за последние годы труды российских исследователей по истории холодной войны внесли весомый вклад в изучение проблематики гонки ядерных вооружений⁹.

Особо хотелось бы выделить исследование «Путь к имперству: Америка в первой половине XX века» В. Л. Малькова. В этой книге, используя обширный фактический материал, в том числе архивные материалы и мемуарную литературу, автор сумел выпукло показать психологические аспекты начала советско-американской гонки вооружений¹⁰.

Предпринятые в последние годы усилия как российских исследователей, так и их зарубежных коллег позволили стереть немало «белых пятен» в истории гонки ядерных вооружений. Удалось ответить на следующие важнейшие вопросы, бывшие на протяжении многих десятилетий предметом ожесточенных дискуссий между историками, изучавшими данный предмет:

- 1) этапы развития советской ядерной программы;
- 2) соотношение усилий советской разведки и собственных исследовательских работ в создании советского атомного потенциала;
- 3) размеры и темпы роста американского и советского ядерного арсеналов в первые годы холодной войны;
- 4) механизм принятия решений в США и СССР по ключевым вопросам ядерной стратегии.

За 25 лет после окончания холодной войны сторонам так и не удалось преодолеть ситуацию «взаимного гарантированного уничтожения», и это обстоятельство оказывает непосредственное воздействие на весь комплекс российско-американских отношений. Вот почему в любой обозримой перспективе тот факт, что Россия и Америка будут и впредь оставаться единственными странами на Земле, способными вовлечь человечество в глобальную ядерную катастрофу, будет придавать особое значение диалогу между Москвой и Вашингтоном по проблемам сокращения стратегических ядерных вооружений.

ЯДЕРНАЯ ГОНКА: НАЧАЛО

Механизм советско-американской ядерной гонки начал постепенно формироваться еще в первые годы ядерного века. Уже тогда в полной мере проявили себя такие компоненты этого механизма, как система «действие – противодействие», когда на каждый шаг Вашингтона или Москвы в ядерной сфере противоположная сторона предпринимала ответные меры; соревнование атомного «меча» и атомного «щита»,

⁹ Мальков В. Л. «Манхэттенский проект». М., 1995; Батюк В. И., Евстафьев Д. Г. Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945–1950 гг. М., 1995; Советская внешняя политика в годы «холодной войны». М., 1995; Zubok V., Pleshakov S. Inside the Kremlin's Cold War. Cambridge (Mass.), 1996; Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане. М., 1997; Кортунов С. В. Контроль за вооружениями и интересы России. М., 1997; Ядерное оружие после «холодной войны». М., 2006; Согрин В. В. Динамика соперничества СССР и США в период «холодной войны». 1945–1991 годы. – Новая и новейшая история, 2015, № 6.

¹⁰ Мальков В. Л. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М., 2004.

когда развитие средств атомного нападения вызывало укрепление стратегической обороны; наконец, неуклонный количественный и качественный рост ядерных взрывных устройств и средств их доставки.

Разумеется, в то время и речи быть не могло ни о каком паритете: вплоть до августа 1949 г. сохранялась американская атомная монополия, а затем – громадное качественное и количественное превосходство стратегических ядерных сил США. В то же время Вашингтон не мог реализовать это преимущество в сфере практической политики: атомное оружие и средства его доставки были тогда все еще слишком несовершенны. Советской стороне было хорошо известно это обстоятельство. Вот почему Москва сохраняла олимпийское спокойствие перед лицом американской монополии, рассматривая ядерное оружие не столько как главное оружие будущей мировой войны, сколько как подтверждение великодержавного статуса Советского Союза.

Только после бомбардировок Хиросимы и Нагасаки в Москве были приняты ключевые решения по созданию советского атомного оружия и средств его доставки. 20 августа 1945 г., через 14 дней после Хиросимы и через 11 дней после Нагасаки, было принято Постановление ГОКО-9887, согласно которому создавался Специальный Комитет при ГОКО с чрезвычайными полномочиями. На Специальный Комитет было возложено «руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана».

Многие проблемы, с которыми столкнулся советский атомный проект, были идентичны тем проблемам, которые приходилось решать в рамках «манхэттенского проекта». Так, в конце 40 – начале 50-х годов XX в. для советских атомщиков, как и для их американских коллег, серьезнейшей проблемой была нехватка расщепляющихся материалов необходимой степени концентрации. В многочисленных публикациях по истории советского атомного проекта рассказывается о технологических трудностях в налаживании производства плутония-239 и урана-235 на комбинатах № 813 (Свердловск-45) и № 817 (Челябинск-40). Если верить этим материалам, то вплоть до мая 1949 г. в СССР были не в состоянии произвести плутоний в количестве, достаточном для снаряжения даже одной атомной бомбы типа «Толстяк». Что касается урана-235, то вплоть до начала 50-х годов XX в. на комбинате № 813 не удавалось получить этот материал с нужным 90%-ным обогащением.

Правда, у советского атомного проекта были определенные преимущества «догоняющей» стороны: в отличие от участников «манхэттенского проекта» в первой половине 40-х годов XX в., советские ученые и специалисты, работавшие над созданием советской атомной бомбы, твердо знали, что это возможно. Более того, советская разведка, как будет сказано ниже, снабжала советских атомщиков точной информацией о технических параметрах и конструктивных особенностях американского атомного оружия, что, разумеется, не могло не облегчать решение задачи создания советской атомной бомбы, а также сокращать сроки такого решения, что было крайне важно в условиях начавшейся гонки ядерных вооружений. Наконец, создатели советской атомной бомбы активно использовали опыт своих немецких коллег, многие из которых после войны были в «добровольно-принудительном» порядке направлены на работу в Советский Союз.

Как сказал главный конструктор первой советской атомной бомбы РДС-1 академик Ю. Д. Харитон, «наша первая бомба – копия американской. И я считал бы любое другое действие в то время недопустимым в государственном смысле. Важными были сроки: кто обладает атомным оружием, тот и диктует политические условия»¹¹.

В официальной публикации Минатомэнерго РФ по истории создания первой советской атомной бомбы утверждалось, что «разведывательная информация по плутониевой бомбе США, безусловно, позволила избежать ряда ошибок при создании РДС-1, а также значительно сократить сроки ее разработки, уменьшить расходы на

¹¹ *Круглов А. К.* Как создавалась атомная промышленность в СССР. М., 1994, с. 186.

научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР)»¹². Вместе с тем возможности разведки были небеспредельны: так, например, систему автоматики и приборы РДС-1 советские инженеры создали совершенно самостоятельно¹³.

Но у творцов советского атомного оружия были и свои серьезные трудности, с которыми их американским коллегам сталкиваться не приходилось. Если в распоряжении руководителей «манхэттенского проекта» имелись запасы уранового сырья практически всего капиталистического мира, то Москва, приступая к реализации своего атомного проекта, столкнулась с острой нехваткой урановой руды: ведь в 40-е годы XX в. месторождения урановых руд на территории СССР еще не были открыты.

Большим подспорьем для советского атомного проекта стали урановые месторождения на территории занятых Красной Армией в ходе Второй мировой войны стран Восточной Европы. На территории «стран народной демократии» были созданы «совместные предприятия» по эксплуатации урановых рудников. И если в 1946 г. на территории Чехословакии, Болгарии, Польши и советской зоны оккупации Германии было добыто 60,3 т. урановой руды, то в 1950 г. этот показатель вырос до 1640 т. В том же 1950 г. на территории СССР было добыто лишь 416,9 т. руды, т. е. в 4 раза меньше¹⁴. Таким образом, контроль над советской «сферой влияния» был жизненно важен для советского атомного проекта, и некоторые специалисты по истории холодной войны считают даже, что одной из главнейших причин конфликта между СССР и его западными союзниками по антигитлеровской коалиции после окончания второй мировой войны были попытки последних перекрыть урановые поставки из Восточной Европы в СССР¹⁵.

Испытание первой советской атомной бомбы было, бесспорно, большим успехом советских ученых, инженеров и специалистов, всех участников советского атомного проекта – от Л. П. Берии до А. Д. Сахарова. Однако они не собирались, что называется, почивать на лаврах и тиражировать первое советское атомное взрывное устройство РДС-1. Напротив, еще в процессе подготовки испытания РДС-1 велась интенсивная проработка проектов РДС-2, РДС-3, РДС-4, РДС-5 и РДС-6¹⁶.

Что касается советских усилий в области создания водородного оружия, то теоретическая проработка началась в 1948 г., когда научный руководитель советского атомного проекта И. В. Курчатов создал теоретическую группу под руководством И. Е. Тамма, в которую входили также А. Д. Сахаров, Я. Б. Зельдович, Ю. А. Трутнев и др., а инженерные расчеты первого водородного взрывного устройства были проведены в Арзамасе-16 летом 1949 г., т. е. за несколько месяцев до решения президента Г. Трумэна о соответствующей американской программе. Объединение усилий талантливых физиков-теоретиков не могло не принести свои плоды: первая советская термоядерная бомба (РДС-6) была испытана на Семипалатинском полигоне 12 августа 1953 г., а первая двухступенчатая водородная боеголовка была взорвана 22 ноября 1955 г.¹⁷

Итак, уже в первые годы атомного века американские и советские ученые и специалисты сумели добиться многократного роста эффективности и компактности ядерных боеприпасов, открыв тем самым перспективу создания ядерных систем, способных выполнять самый широкий круг задач на суше, на море и в воздухе, на различных театрах военных действий как на тактическом, так и на стратегическом уровнях.

¹² Хроника основных событий истории ракетных войск стратегического назначения. М., 1994, с. 218.

¹³ Там же, с. 184–192.

¹⁴ Создание первой советской ядерной бомбы. М., 1995, с. 197–200.

¹⁵ Хроника основных событий истории ракетных войск стратегического назначения, с. 7–8.

¹⁶ Создание первой советской ядерной бомбы, с. 184–192.

¹⁷ Там же, с. 197–200.

АМЕРИКАНСКИЕ И СОВЕТСКИЕ СРЕДСТВА ДОСТАВКИ ЯДЕРНЫХ БОЕПРИПАСОВ В 1945–1949 годах

Ядерное взрывное устройство само по себе не является оружием. Оружием оно становится при наличии надежных средств доставки этого оружия к цели. Первый в истории человечества носитель атомной бомбы американский бомбардировщик В-29 в качестве средства доставки ядерного оружия на большие расстояния был несовершенен: не случайно бомбившая Хиросиму «Энола Гей» достаточно сильно отличалась от серийного В-29 – с самолета пришлось снять для снижения веса и увеличения запаса топлива все пулеметы. Но даже в таком модернизированном виде В-29 оставался, если использовать современные обозначения, средним бомбардировщиком, неспособным без дозаправки в воздухе преодолеть межконтинентальные расстояния, что делало его неполноценным в качестве стратегического оружия.

Неудивительно, что сразу после Хиросимы в Пентагоне задумались об улучшении средств доставки новообретенного Сверхоружия. Работы в данной сфере пошли по двум направлениям.

Во-первых, была предпринята попытка усовершенствовать уже имеющуюся конструкцию В-29. В июне 1947 г. в воздух поднялся бомбардировщик В-50, который отличался от своего предшественника более мощными двигателями «Пратт-Уитни» R-4360-35, развивавшими мощность до 3500 л.с. Тем не менее В-50 так и не стал полноценным межконтинентальным бомбардировщиком. Всего было выпущено 79 таких машин, многие из которых были переделаны под самолеты-разведчики, учебные самолеты и т.д.¹⁸

Во-вторых, во второй половине 40-х годов XX в. в США был создан первый стратегический бомбардировщик с межконтинентальной дальностью – В-36. Даже на фоне современных гигантов реактивной авиации, таких как «Руслан», А-380 и «Бойнг-747», размеры этого самолета поражают воображение.

Размах огромных крыльев составлял 70 м., а толщина крыла в корневой части достигала 1,9 м. Цилиндрический фюзеляж с максимальным диаметром почти 4 м и длиной 49 м мог вместить до 40 т бомб!

Внешний вид и технические характеристики этого самолета, прозванного его создателями «Конкерор» («Завоеватель»), могли бы потрясти кого угодно, но особенно сильное впечатление В-36, первый стратегический бомбардировщик в мире, произвел на командующего Стратегического авиационного командования США К. Лемэя. По его мнению, именно этот самолет должен был стать основным средством доставки атомных бомб и, тем самым, основой стратегической ядерной мощи Соединенных Штатов.

Однако не все в Америке были в восторге от роста могущества и влияния «авиационных баронов». Озабоченные монополией стратегического авиационного командования на «абсолютное оружие», руководители американских военно-морских сил развернули ожесточенную борьбу в вашингтонских «коридорах власти» против проповедуемой «авиационными баронами» стратегии атомного удара с использованием тяжелых бомбардировщиков в качестве средств доставки.

За «бунтом адмиралов», такое название получила в исторической литературе борьба американских моряков и летчиков вокруг атомной стратегии, скрывались не только ведомственные амбиции. Более чем внушительные габариты воздушных монстров – В-29 и В-36 – скрывали устаревшие технологии, дни которых были сочтены.

Ведь в середине 40-х годов XX в. человечество вступило не только в ядерный, но и в реактивный век. Скорости же американских тяжелых и сверхтяжелых бомбардировщиков оставались прежними, дореактивными. В этих условиях В-29 и В-36 могли стать легкой добычей реактивных истребителей ПВО и, соответственно, были неспо-

¹⁸ Колов С. Родной брат «Суперкрепости». В-50 и его модификации. – Крылья Родины, 1999, № 8, 9.

способны выполнить свою атомную миссию. Все эти факты были оглашены высокопоставленными американскими военными моряками в ходе слушаний в комитете по военной службе палаты представителей конгресса США в октябре 1949 г.¹⁹

Тем не менее производство бомбардировщиков В-36 продолжалось. У Вашингтона просто не было других межконтинентальных средств доставки, а мощное бортовое оборонительное оружие на американских средних и тяжелых бомбардировщиках (так, на В-36 было установлено 6 башен с двумя 20 мм пушками в каждой, а также по 2 подвижные пушки в носовой и хвостовой части фюзеляжа), казалось, должно было обеспечить надежную защиту этих воздушных гигантов.

Атомная бомбардировка основных советских промышленных центров была с чисто технической точки зрения вполне возможной уже во второй половине 40-х годов XX в. Находившиеся на вооружении ВВС США средние бомбардировщики В-29 и В-50, а также дальний бомбардировщик В-36 (последний начал поступать на вооружение в 1948 г.) могли, взлетев с американских авиабаз в Великобритании, в районе Суэца, на Окинаве и на Аляске, достичь основных промышленных центров СССР, разбомбить их и вернуться на свои базы (радиус действия В-29 и В-50 – 1700 морских миль; аналогичный показатель для В-36 – 4000 морских миль).

Практическая проверка всех этих теоретических расчетов произошла в ходе воздушных боев во время Корейской войны (1950–1953 гг.), и «авиационным баронам» пришлось констатировать, что худшие опасения противников «воздушных дредноутов» оправдались. Даже мощный эскорт из реактивных истребителей не мог спасти американские бомбардировщики от атак советских самолетов МиГ-15.

Результаты боев в небе Кореи поставили под вопрос возможность поршневых бомбардировщиков САК выполнить свою задачу в случае войны с Советским Союзом, а других носителей атомного оружия у американского командования, напомним, в то время не было. Таким образом, Пентагон вступил в изнурительную и безнадежную гонку с советской системой ПВО, в то время самой мощной и совершенной в мире. Результаты этой гонки можно было предсказать заранее: опыт больших и малых воздушных сражений в корейском небе свидетельствовал о том, что без прикрытия истребителей бомбардировщики не в состоянии преодолеть эффективную систему ПВО. Однако другого выхода у американского военного и политического руководства просто не было. Ведь ракетная программа США во второй половине 40 – начале 50-х годов XX в. находилась, что называется, на точке замерзания.

На протяжении всего пребывания у власти Президента Трумэна (1945–1953 гг.) американская ракетная программа оставалась пасынком Вашингтона. Неуклонно сокращалось финансирование НИОКР в области создания ракетной техники. Так, в декабре 1946 г. военное министерство сократило расходы ВВС на эти цели более чем на 50%, с 29 до 13 млн долл. В результате к июлю 1947 г. ВВС были вынуждены ликвидировать 14 своих исследовательских проектов в этой сфере²⁰. А всего общее количество ракетных проектов в сухопутных войсках, в ВВС и ВМС сократилось с 40 в июле 1945 г. до 16 в марте 1950 г. Но даже эти ограниченные ресурсы Пентагон не смог использовать эффективно из-за соперничества между видами вооруженных сил: сухопутные войска, авиация и флот осуществляли свои собственные ракетные программы, что неизбежно вело к распылению сил и дублированию программ²¹.

А что же происходило по другую сторону «железного занавеса» в области создания средств доставки ядерного оружия? Как известно, ликвидации не только атомной монополии США, но и монополии этой страны на средства доставки атомного оружия уделялось со стороны Кремля в первые послевоенные годы самое большое внима-

¹⁹ Development of Long-Range Guided Missiles, 1945–1959.– US National Security Archive, NHP, Box 1, Record Number 881.

²⁰ Lonquest J., Winkler D. To Defend and Deter: the Legacy of the United States Cold War Missile Program. Rock Island (Ill.), 1996, p. 19.

²¹ Haynes J., Klehr H. Venona. Decoding Soviet Espionage in America. New Haven, 1999, p. 4, 7.

ние. Например, стремясь как можно быстрее преодолеть отставание от США в области стратегической авиации, И.В. Сталин распорядился копировать американские бомбардировщики В-29 «Стрэйтофортресс», попавшие в годы Второй мировой войны на территорию СССР, и использовать полученные данные для производства советской версии В-29 – Ту-4²².

Однако появление бомбардировщиков типа Ту-4 в советском арсенале в конце 40-х годов XX в., не решало для Кремля проблемы доставки атомного оружия до целей в США, поскольку радиус действия этого самолета не позволял ему, взлетев с советской территории, сбросить атомную бомбу над Америкой и вернуться домой, а авиабаз вокруг территории США Советский Союз, как известно, не имел.

В Москве раньше, чем в Вашингтоне, поняли значение принципиально нового средства доставки ядерного оружия – ракет. В Кремле отдавали себе отчет в том, что появление в советском арсенале тяжелых бомбардировщиков не решает проблемы доставки ядерного оружия, поскольку никакой бомбардировщик не мог бы ликвидировать то геостратегическое преимущество, которое имела американская сторона в результате обладания авиабазами, находящимися в непосредственной близости от территории СССР. Кроме того, советские руководители понимали, что истребительная авиация ПВО могла бы стать серьезным противником для тяжелых бомбардировщиков.

Вот почему уже 13 мая 1946 г. было принято Постановление Совета Министров СССР № 1017-419сс «Вопросы реактивного вооружения», в соответствии с которым создавался другой Специальный Комитет (наряду со Спецкомитетами по атомной энергии и радиолокации) – Специальный Комитет по Реактивной Технике при Совете Министров СССР, которому поручалось «наблюдение за развитием научно-исследовательских, конструкторских и практических работ по реактивному вооружению»²³.

В октябре 1948 г. был проведен первый успешный пуск ракеты Р-1, точного аналога ракеты А-4 (Фау-2), а через 2 года комплекс Р-1 был принят на вооружение и начал поступать в ракетные части.

РОЛЬ СОВЕТСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ РАЗВЕДОК В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ ПО ПРОБЛЕМАМ ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ

Сравнивая усилия СССР и США в области разведки в первые годы холодной войны, практически все историки приходят к единодушному заключению: в этой области глобального соревнования двух систем Москва обладала колоссальным превосходством, сравнимым лишь с американским атомным превосходством в тот начальный период гонки ядерных вооружений. Начиная с 1942 г. в центре внимания советской политической разведки оказывается проект «Манхеттен». Резидентам НКВД в США В. Зарубину, Г. Хейфицу, С. Семенову, А. Яцкову, Г. Овакимяну и В. Барковскому удалось создать обширную сеть атомного шпионажа (самые известные агенты, работавшие на советскую политическую разведку – К. Фукс, Б. Понтекорво, А. Мэй, Д. Грингласс, Г. Голд, Э. и Ю. Розенберги, П. и Х. Крогеры), с помощью которой удалось выявить тактико-технические характеристики, конструктивные особенности и технологические секреты создаваемого американцами «сверхоружия»²⁴.

Да и американская политика в ядерной сфере не была секретом для Москвы, поскольку советские агенты К. Филби и Д. Маклин имели доступ к материалам англо-американских переговоров по проблемам ядерной стратегии. Так, например, советское военное и политическое руководство знало, что в первые несколько лет после Хиросимы количество атомных бомб в американском арсенале можно было пересчитать на пальцах одной руки.

²² Ильин А. П. Ракетное полстолетие. – Международная жизнь, 1993, № 12, с. 51.

²³ Хроника основных событий истории ракетных войск стратегического назначения. М., 1994, с. 227–233.

²⁴ Lonquest J., Winkler D. Op. cit., p. 16.

Таким образом, в первые годы гонки ядерных вооружений Москва получала исчерпывающую информацию об уровне и тенденциях развития американского стратегического ядерного потенциала. Более того, советская разведка внесла неоценимый вклад в сокращение отставания СССР от США в ядерной сфере, о чем уже было сказано выше.

Правда, после начала холодной войны условия, в которых были вынуждены действовать советские разведчики в США, резко усложнились.

В тяжелых условиях начавшейся холодной войны, маккартизма и антикоммунистической истерии советская военная и политическая разведки продолжали собирать ценную информацию об американском стратегическом ядерном арсенале. Так, например, в марте 1948 г. советским разведчикам в США удалось получить ценную информацию о состоянии научных исследований по проблемам термоядерного синтеза в США. Особое значение для советских НИОКР в области создания водородного оружия имели сведения о значении трития и лития для реакции синтеза, а также о радиационной имплозии²⁵.

Таким образом, на протяжении первых лет ядерной гонки советская разведка успешно выполняла все поставленные перед ней задачи, снабжая Центр подробной и качественной информацией об усилиях США в области создания и совершенствования стратегических ядерных вооружений.

Иная ситуация складывалась, так сказать, по ту сторону «железного занавеса». В первые годы холодной войны Вашингтон практически не имел надежной информации о советских усилиях в области создания ядерного оружия и средств его доставки. Разумеется, в Вашингтоне были уверены, что советский атомный проект является одним из важнейших приоритетов для Москвы, но это было практически все, что американская разведка смогла узнать о советских НИОКР, возможностях советской атомной промышленности или политике Кремля в этой сфере в конце 40-х годов XX в.

Немного лучше обстояли дела с осведомленностью американской разведки о советских возможностях в области стратегической авиации в первые годы холодной войны. Это было связано с тем, что первый советский тяжелый бомбардировщик, способный нести атомную бомбу на борту – Ту-4 – был точной копией американской «Сверхкрепости» Б-29. Производственные возможности советских авиазаводов (многие из которых были построены при иностранном, в том числе американском, техническом содействии) также не были секретом для Вашингтона (по крайней мере, в первые годы холодной войны).

Однако новые советские разработки в сфере стратегической авиации оставались для американской разведки тайной за семью печатями. В конце 40 – начале 50-х годов XX в. единственным источником информации американской разведки о советских НИОКР в области стратегической авиации были советские авиашоу, а самым надежным инструментом анализа считались экстраполяции тенденций развития реактивной техники в гитлеровской Германии.

То же самое следует сказать о попытках американской стороны получить информацию о советских НИОКР в области ракетной техники: в конце 40 – начале 50-х годов XX в. эти попытки были в основном безуспешными.

Проблемы, с которыми столкнулась американская стратегическая разведка в первые годы холодной войны, объяснялись преимущественно недостатком разведывательных источников, которые было вынуждено использовать ЦРУ. В это время СССР был герметически изолирован от Запада, а все контакты с границей гуманитарного, культурного, научного и экономического характера, были сведены до минимума. Кроме того, круглосуточное наблюдение за всеми американскими дипломатами и журналистами, находящимися в Советском Союзе (американских туристов и бизнесменов в то время в СССР, как известно, не было) делало несанкционированные контакты с советскими людьми практически невозможными. Даже в этих условиях,

²⁵ Барковский В. Б. Атомное оружие и научно-техническая разведка. – История советского атомного проекта: документы, воспоминания, исследования, вып. 1. М., 1998, с. 91–92.

американским разведчикам удавалось вербовать агентуру, однако уровень получаемой информации был явно недостаточным, особенно по таким вопросам, как советские усилия в стратегической ядерной сфере.

Американским разведчикам, действующим в СССР под дипломатическим прикрытием, приходилось довольствоваться наружным наблюдением и фотографированием довольно многочисленных в 40–50-х годах XX в. советских авиационных парадов, а также не очень удачными попытками установить шпионскую аппаратуру в районах пролета советской авиатехники²⁶.

Свидетельством отчаянного положения, в котором оказалась американская разведка, стала широкомасштабная операция по заброске агентов в СССР и другие страны «народной демократии» воздушным, морским и (отчасти) наземным путем в 1949–1954 гг. Почти все эти агенты были вскоре после заброски арестованы советской госбезопасностью и контрразведкой союзных с СССР государств.

Ценной информации удалось добиться от немецких специалистов, которые в конце 40 – начале 50-х годов XX в. участвовали в советских ракетно-ядерных программах, а впоследствии многие из них оказались на Западе. Не испытывая никакой особой признательности по отношению к своим бывшим советским хозяевам, немецкие специалисты охотно поделились с американской разведкой всем тем, о чем узнали, находясь на советских «почтовых ящиках» – от уровня развития советских технологий до бытовых условий жизни в СССР. Правда, немецкие специалисты использовались в СССР главным образом для того, чтобы с их помощью овладеть немецкими же технологическими секретами, а после этого им разрешили вернуться домой.

Так, например, немецкие инженеры и техники принимали активное участие в усовершенствовании ракеты Фау-2 (советское обозначение – Р-2), однако в разработке последующих образцов советской ракетной техники, в том числе и МБР, немцы никакого участия не принимали. Именно от немецких специалистов американская разведка узнала о существовании советского ракетного полигона «Капустин Яр», но что там реально происходит, ЦРУ узнать не удалось.

На этом достаточно мрачном фоне ярким успехом выглядит создание Системы обнаружения большого радиуса действия (радиационной разведки), с помощью которой в сентябре 1949 г. американской разведке удалось засечь проведение первого атомного испытания в Советском Союзе²⁷.

Рассекреченные Национальные разведывательные оценки ЦРУ США показывают, что американская разведка не обладала ценными источниками информации о советских программах в области создания стратегических вооружений в 1945–1949 гг. Американским разведчикам оставалось лишь строить предположения о советских технологических возможностях и политике в данной сфере.

* * *

Большие политические последствия, на наш взгляд, имела недооценка американскими разведчиками в первые послевоенные годы советских возможностей в области разработки и производства новых видов военной техники. И эта недооценка имела весьма серьезные политические последствия. Она способствовала появлению у официального Вашингтона шапкозакидательских настроений относительно возможности диктовать свою волю ослабленному войной Советскому Союзу.

Иными словами, американское стратегическое превосходство в первые годы холодной войны до известной степени компенсировалось советским разведывательным превосходством.

²⁶ US National Archives, RG 319, «Top Secret» incoming and outgoing cables 1942–52, Entry 58, NND 806015, Box 172.

²⁷ Prados J. The Soviet Estimate. US Intelligence Analysis and Russian Military Strength. New York, 1982, p. 19–20.